

Ему крайне не нравилось это чувство беспокойства.

Забежав домой и отдохнув ночь, Чжан Цицюань поспешил в полуразрушенный храм, попросив нескольких детей как можно скорее доставить тигровую шкуру и кнут.

Сюй Мо варил кашу, вежливо приглашая его съесть миску рисового супа.

Чжан Цицюань махнул рукой в знак того, что не может есть, и принялся упаковывать тигровую шкуру и кнут.

Еще не высохшая тигровая шкура была окровавлена, а поскольку она еще не высохла, ее нельзя было сложить или сжать, поэтому он мог только попытаться свернуть ее неплотно, затем положить внутрь тигриный кнут и, наконец, тщательно завернуть в два слоя ткани.

Снаружи все было замаскировано, но кровавый запах было трудно скрыть.

Кроме того, сегодня у них не было овощей для прикрытия.

"Мы ведь не продавали эти вещи скрытно, разве мы не можем отправить их открыто?" Цзян Шэн держала в руках рисовый суп с озадаченным выражением лица.

Чжан Цицюань покачал головой: "Лучше перестраховаться".

Так что им все равно нужно было принять меры предосторожности.

Цзян Шэн немного подумала и перенесла соломенный матрас, на котором спала, на тележку с осликом, разложив его по всей тележке.

"Цзян Шэн, ты с ума сошла? Ты что, собираешься спать на головй земле?" крикнул Чжэн Жуцянь.

Как только мы продадим тигровую шкуру и кнут, у нас появятся деньги, чтобы купить несколько одеял. Кто же тогда будет спать на соломе?"

Чжэн Жуцянь подумал, что в ее логике есть смысл, и закрыл рот.

Спрятав валик из тигровой шкуры под пушистой соломой, двое детей в серых хлопчатобумажных куртках уселись сверху.

С какой стороны ни посмотри, они выглядели как... нищие.

Но это было и хорошо. По крайней мере, никто не заподозрит, что в их ослиной повозке находятся товары на десятки таэлей серебра.

Чжан Цицюань сел на заднее сиденье повозки и махнул рукой Фан Хену: "Поехали".

Пятеро отправились вместе.

Чан Янь и Вэнь Чжиюнь, как обычно, остались дома, занятые своими делами.

Но сегодняшнему дню не суждено было быть спокойным.

Вскоре после отъезда ослиной повозки с рулоном из тигровой шкуры прибыл официальный подчиненный, за ним следовал Панг Дашань, который почтительно представился: "...Он должен быть здесь, на земле еще есть кровь, должно быть, это добыча, не могу ошибиться".

В голове Чан Яня сразу же зазвенели тревожные колокольчики, и он обменялся взглядом с Вэнь Чжиюнем.

Вэнь Чжиюнь сжимал в ладони только что найденный конопляный порошок, готовый в любой момент пустить его по ветру.

Но когда он увидел, что посетитель - чиновник в форме, выражение лица Вэнь Чжиюня изменилось, а руки задрожали.

Поэтому Чан Яню пришлось встать перед ним и холодно и спокойно ответить: "В чем дело?"

Если бы здесь была Цзян Шэн, она бы высокомерно огрызнулась и спросила, какой закон или постановление Великой династии Юй предписывает охотникам отдавать свою добычу.

Но Чан Янь был холодно спокоен.

Он был настолько спокоен, что Панг Дэшань даже не знал, что ответить, и мог только обратиться за помощью к чиновнику: "Господин..."

Чиновник холодно фыркнул: "Есть она или нет, узнаем после обыска".

Затем он действительно начал рыться в ящиках и шкафах, сжимая в руках меч.

Полуразрушенный храм был невелик, и имущества в нем было немного.

Кроме горшков и мисок, там было всего шесть соломенных матрасов, и один из них Цзян Шэн забрал себе.

Оставшиеся пять были с силой перевернуты, разбросав солому повсюду.

Но никакой добычи не было найдено, ни единого волоска.

Лицо чиновника потемнело.

Ему сообщили, что кто-то в деревне Шили Пост охотился на тигра и вчера снимал с него шкуру, так что сегодня он не должен был исчезнуть.

Может, они взяли его, чтобы продать?

Подумав об этом, чиновник напрягся, повернулся и вышел на улицу.

Панг Дашань не понял: "Господин, почему вы больше не ищите?"

Чиновник не оглянулся. Панг Дэшану оставалось только поспешить за ним.

Вдвоем они сели в карету, щелкнули вожжами и помчались прочь. Чан Янь смахнул с себя солому, посмотрел в ту сторону, куда отъехала карета - туда же, куда и ослиная повозка, - и тут же нахмурился: "Они поехали в погоню за уездным предводителем".

Вэнь Чжиюнь едва успокоился: "Мы должны сообщить старшему брату".

Но как их известить?

Их ноги не могли обогнать ослиную повозку или карету, а быстрых лошадей у них не было. Даже если бы они захотели пересечь на чью-то ослиную повозку, денег у них не было.

Чан Янь повернул голову и посмотрел на Вэнь Чжиюня, впервые за все время растерявшись.

Но вернемся к Фан Хену, спешащему на ослиной тележке. Он ни разу не остановился, направляясь прямо к уездному городу.

С большим трудом проехав через городские ворота, они сначала высадили Сюй Мо в академии к западу от города.

Затем они медленно добрались до входа в Юнран Джу.

Чжан Цицюань спрыгнул с повозки, вздохнув с облегчением.

Они зашли так далеко, что теперь уж точно ничего не может пойти не так.

Он поджал губы, собираясь достать рулет из тигровой шкуры, чтобы доставить его в Юнран Джу.

Вдруг сзади послышался стук копыт.

Панг Дэшань высокомерно крикнул: "Не двигаться! Продавать добычу частным образом в округе, неужели ты не дорожишь своей жизнью?"

Пришедшее беспокойство оказалось пророческим.

Чжан Цицюань от страха впал в паралич и застыл на месте, не решаясь пошевелиться.

Но Цзян Шэн спрыгнула с телеги, посмотрела на Пань Дэшаня, затем на неподвижно стоящего Чжан Цицюаня, повернулась и, вытащив сверток из тигровой шкуры, собралась с силами, чтобы ворваться во двор Юнран Джу.

"Цзян Шэн, бросай добычу!" вопил Панг Дэшань во всю мощь своих легких.

Но он был слишком медлителен: к тому времени, как они запрягли карету, Цзян Шэн уже проскользнул за спину начальника Юнран Джу.

Чиновник сбоку был так зол, что его лицо было черным, как дно кастрюли, и он жалел, что не может прихлопнуть этого бесполезного идиота до смерти.

Если бы не этот крик, они бы и не поняли, что происходит.

Панг Дэшань не обратил на это внимания и хрипло кричал: "Положите и отдайте!".

Цзян Шэн высунула голову из-за спины босса Юнран Джу и притворно смутилась: "Панг Дэшань, воровать и грабить в городе - это одно дело, но приходит сегодня грабить в уездную резиденцию, неужели ты стал относиться к уездному управлению как к своему общественному туалету?"

Панг Дашань потерял дар речи от ее ответа.

Лицо чиновника стало еще мрачнее. Он в три шага вошел в Юнран Джу и сказал Цзян Шэну: "В округе запрещена частная продажа добытых животных. Либо передайте товар, либо пройдите со мной в уездное управление".

Он должен был разобраться с этим официально, как государственный чиновник.

Не имея другого выбора, Цзян Шэн могла надеяться только на Юнран Джу.

"Кхм..." Босс Юнран Джу дважды кашлянул: "Многоуважаемый господин, возможно, это какое-то недоразумение. Этот молодой человек заключил договор о сотрудничестве с моим Юнран Джу и не занимается частной продажей товаров. Надеюсь, эти два господина будут великодушны".

Хотя ресторан Юнран Джу открылся недавно, он был немаленьким, и все его посетители были либо богатыми, либо знатными.

Босс считал, что у него есть определенный авторитет в округе Сянган.

Но неожиданно чиновник полностью проигнорировал его, раздул ноздри и сказал: "Вы для меня никто".

Босс Белого пальмового двора был ошеломлен, чувствуя, как в нем поднимается безымянный гнев.

Как раз в тот момент, когда он собирался как следует поговорить с этим чиновником.

Внезапно раздался голос молодого человека: "Специально назначенный босс нашей семьи Цзян, как он может быть для вас никем? Тогда кто ты?"

<http://tl.rulate.ru/book/104294/3835750>